

Придворные геоманты в Корее в период Чосон (1392–1897)

© 2019

Н.А. Чеснокова

«Официальное» рождение геомантии (кор. *пхунсу чири соль* — «географическая теория о ветрах и водах» относится к IX в. и связывается с именем буддийского монаха Тосона (827–898). С веками значение теории возрастало, геоманты играли в средневековом обществе все большую роль. Настоящая статья посвящена изучению «статуса» геоманта в Корее в период Чосон (1392–1897): его социальному положению, образованию, обязанностям; приводятся примеры их работы и вклада в историю и культуру страны.

Ключевые слова: Корея, Чосон, геомантия, *пхунсу чири соль*, геоманты, идеология, *чигван*, *чунин*.

DOI: 10.31857/S013128120008000-1

«Географическая теория о ветрах и водах» (*пхунсу чири соль*) — один из сложных и малоизученных феноменов корейской традиционной культуры. Представленная первоначально через буддизм в IX в., она не только не потеряла свое значение с усилением позиций конфуцианства, но и оказалась успешно «встроена» в идеологию всех корейских государств. В статье рассматривается *пхунсу чири соль* в период Чосон (1392–1897), а именно то, кем были люди, занимавшиеся данной теорией: их статус, образование, обязанности и пр.

Согласно «Новой энциклопедии корейской истории» (*Сэ гукса саджон*)¹, *пхунсу чири соль*² — это «теория, объясняющая, как связан ландшафт со счастьем и несчастьем в жизни человека»³. «Энциклопедия корейской культуры» уточняет: «*пхунсу чири соль* опирается на даосское представление о том, что земля рождает особую энергию, влияющую на людей, проживающих в определенном месте»⁴. Специалистов, которые ею занимаются, называют *пхунсуга* (специалист по теории *пхунсу* [*чири соль*]), *камёга* (специалист по «небу и земле»), *чирига* (специалист по географии), *ымъянга* (специалист по теории ым-ян [ит. инь-ян])⁵. Эти термины синонимичны, отдельного словарного значения для них обычно нет, перечисляются через запятую. В оцифрованных королевских летописях «Истинные записи (правления) династии Чосон» (*Чосон ванджо силлок*)⁶ слово «*пхунсуга*» используется 9 раз; «*камёга*» — 12 раз; «*чирига*» — 8 раз; «*ымъянга*» — 17 раз. Контекст совпадает: выбор места для королевской могилы (*нын*), выбор (или обсуждение) благоприятного места для королевского дворца, выбор даты. В редких случаях — обсуждение теории⁷.

Чеснокова Наталья Алексеевна, кандидат исторических наук, старший преподаватель Института классического Востока и античности (ИКВИА) Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Email: chesnatalie@gmail.com.

Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 18–39–00158 «Освоение» и «присвоение» пространства: формирование корейской этнической самоидентичности в XVII–XVIII вв. через реорганизацию культурного пространства региона).

Примечательно, что, по-видимому, на термины была «мода»: в XV в. используются только слова «*ымъянга*» и «*чирига*», а с XVI в. также начинает использоваться «*пхунсуга*». «*Камёга*» же появляется только со второй половины XVII в. и становится основным термином.

Известно также слово *чигван*. Оно встречается в королевских летописях «Истинные записи (правления) династии Чосон» 272 раза, начиная с вана Седжона (1397–1450, правление 1418–1450) и вплоть до начала XX в. Согласно «Энциклопедическому словарю национальной культуры» (*Хангук минджок мунхва тхэбэкквва саджон*), этот китайский термин, синонимичный указанным выше, первоначально означал должность, а этимологически восходил к главе «Земные чиновники» древнекитайского литературного памятника «Чжоуские ритуалы» (кор. *Чуре*; кит. *Чжоу ли*)⁸, традиционно приписываемому Чжоу-гуну, жившему в XI в. до н.э. В Корее, по-видимому, термин «*чигван*» означал совокупность занятий, связанных с толкованием и изучением земных знаков — природных форм — и их связи с пятичастной моделью мира. В монографии «История погребальной культуры» Пак Тхэхо предполагает, что в обязанности *чигван* входили только выбор и перемещение королевских могил⁹.

На русский язык вышеуказанные термины обычно переводят общим понятием «геомант», иногда — «хиромант»¹⁰. Но вынужденно следуя за европейской традицией, мы тем не менее считаем, что перевод и адаптация терминов к европейской культуре в данном случае искажает их оригинальный смысл и провоцирует возникновение заведомо ложных представлений о деятельности этих людей. Геомантия предполагает истолкование точек, нанесенных на землю; а хиромантия — интерпретацию бугров и линий на человеческой ладони. Деятельность же корейских специалистов была связана с традиционными представлениями о мироустройстве, и в их профессиональные задачи входил поиск благоприятных мест для расположения там захоронения, строительства культового сооружения (храма, дворца и др.), жилых домов, а также выбор даты для проведения ритуала.

Положение теории *пхунсу чир* *соль* и геомантов при дворе до периода Чосон

Впервые появившись, по легенде, в IX в. благодаря буддийскому монаху Тосону (827–898) в конце периода Объединенное Силла (668–935), теория *пхунсу чир* *соль* вскоре нашла свое отражение во внутренней политике и идеологии государства Корё (935–1392). Официальной религией Корё был буддизм — и изучение теории *пхунсу чир* *соль* стало прерогативой именно монашеского сословия.

Хотя основатель Корё Ван Гон («Великий предок» Тхэджо, 877–943, правление 918–943) и Тосон никогда не встречались, по легенде, именно Тосон оценил геомантически благоприятное место, где стоял дом отца Ван Гона, и предсказал, что его сын сможет стать правителем нового государства. Считается также, что монах оставил для еще не родившегося ребенка некие инструкции: официальная версия «легенды» Ван Гона гласит, что именно на их основе было выбрано место для будущей столицы — Кэсона. Ван Гон ссылается на Тосона и теорию *пхунсу чир* *соль* в своем завещании «Десятичастное наставление» (*Хунё сипчо*), фактически представляющем собой свод правил для будущих монархов. Так, второй пункт «Наставления» гласил: «Все буддийские монастыри, действующие и новые, строить с учетом благоприятных гор и рек (*сансу*), выбранных Тосоном»¹¹. В правление вана Сукчона (1095–1105) Тосон посмертно получил титул «государева наставника» *ванса*¹², что также доказывает важность, которую правители Корё видели в теории *пхунсу чир* *соль* и ее адептах. По мнению современного ученого Юн Хонги, занимающегося изучением истории геомантии, в период Корё *пхунсу* было наиболее востребовано и имело огромное влияние — настолько большое, что обсуждение благоприятных и неблагоприятных мест превращалось в затяжные политические дебаты¹³.

Одним из наиболее ярких событий такого рода стало «восстание Мёчхона» 1135 г. Внутренний закамуфлированный спор между «столичной» и «провинциальной» аристократией, в основе которого, по нашему мнению, лежал вопрос наличия доступа к ресурсам и распоряжения ими, вылился в теоретические споры о геомантическом расположении городов и требовании оппозиции сменить столицу государства.

В процессе дебатов представитель «провинциальной аристократии» и доверенное лицо вана Инджона (1109–1146, правление 1122–1146) монах Мёчхон (?—1135) делал акцент на том, что несмотря на грамотно выбранное место, столичный Кэгён с точки зрения *пхунсу* все же расположен хуже, чем Согён (Пхеньян). Придворный историограф Ким Бусик (1075–1151), представитель «столичной аристократии», в своей аргументации опирался на практические соображения: «Этим летом гром и молния раздавались в тридцати с лишним местах дворца Тэхвагун в Согёне. Разве Небо может так указывать на благоприятное место? Избегать бедствий таким образом не равнозначно ли ошибке? Сейчас, когда на запад (в Согён) нет дорог для карет и телег, для выезда пришлось бы вытаптывать рисовые посевы, но это значило бы не жалеть народ и не беречь богатство»¹⁴. Ван Инджон после долгих колебаний согласился с Ким Бусиком — причины его согласия и последующие события, впрочем, представляют собой тему для другого исследования, и в настоящей статье мы не будем их касаться. Тем не менее, здесь мы имеем дело с прецедентом — использованием теории *пхунсу чирисоль* для возможной легитимной передачи власти (перенесение столицы из одного города в другой).

Вероятно, последним представителем корёских геомантов-монахов на службе в Чосоне (1392–1897) был «государев наставник» Мухак (1327–1405), соратник основателя Чосона Ли Сонге («Великий предок» Тхэджо, 1335–1408, правление 1392–1400). Согласно легендам, именно Мухак выбрал расположение столицы Чосона — им стал г. Сеул. Однако теория *пхунсу чирисоль* с началом периода Чосон и сменой государственной религии с буддизма на неоконфуцианство не только не отрицается, но и по-прежнему фигурирует как составная часть «ядра» государственной идеологии.

Положение геомантов при дворе во время периода Чосон

Неоконфуцианство проникает в Корею в XIII в., и его распространение в первую очередь связано с работами чиновника Ан Хяна (1243–1306). Уже век спустя неоконфуцианство становится основной идеологией нового государства — Чосон.

Распространение происходит благодаря, пользуясь терминологией французского антрополога Гюстава Лебона (1841–1931), «апостолам»¹⁵, ассоциируемым с так называемыми *садэбу* (кит. *шидафу*) — чиновными кланами. В корейской истории появление термина относится к XIII—XIV вв.; им была охарактеризована новая социальная группа, состоящая по большей части из провинциальной аристократии, действовавшей в оппозиции к находящимся у власти «сильным кланам» *квонмун сега*. Позднее *садэбу* стали основой чосонского общества, и в Чосоне термин «садэбу» стал символизировать высокое происхождение¹⁶. Американский историк-кореевед Джон Дункан, однако, замечает, что вопреки распространенной точке зрения *садэбу* не были однородны и не призывали к полному отречению от буддийских догматов¹⁷.

В любом случае, с началом династии Чосон, особенно во время правления четвертого короля — вана Седжона (1418–1450), для укрепления монополии династии на власть, установления иерархических отношений и выстраивания четких дипломатических и культурных отношений с Китаем и правящей на тот момент династией Мин (1368–1644), страна берет курс на усиление традиционных конфуцианских ценностей, среди которых «три устоя — пять правил» (*самган орюн*), на основе которых зиждились строго иерархические отношения между членами общества¹⁸. Государственная система вновь гостеприимно распахивает двери перед теорией *пхунсу чирисоль* — ведь благодаря ей можно вы-

брать достойное и благоприятное место для захоронения предка, что считалось актом «сыновней почтительности»; подобрать место для жилого дома — забота о «младших» — жене и детях. Но, главное, *пхунсу чир* *сол* использовалась для утверждения легитимности монарха, ведь в ее функции входил выбор места для столицы, дворцов, всех культовых сооружений. Даже место для трона правителя выбиралось с учетом *пхунсу*.

Поэтому и выбор благоприятного дня, и выбор благоприятного места могли осуществляться только специально обученными людьми с заслуживающей доверия репутацией. Этот вопрос был решен достаточно элегантно: геоманты Чосона обычно происходили из «срединного сословия» *чунин*, куда относилась феодальная привилегированная интеллигенция, и первоначально оно пополнялось благодаря *сооль* — побочным детям аристократов — *янбан*. Жестко отделенное от *янбан*, сословие *чунин* было неоднородным, и, помимо *сооль*, в него входили несколько групп различного происхождения и положения. В значительной степени сословие было замкнутым, и даже брачные союзы заключались только внутри него¹⁹.

Благополучие семьи зависело от того, служил ли ее глава — как и *янбан*, *чунин* должны были сдавать экзамены *кваго* для получения должности. При этом высшие ранги для *чунин* изначально были закрыты. Приобретение чиновничьего статуса становилось для них возможным через сдачу экзамена на военный чин или технические должности: предсказания, врачевание, астрология, астрономия, правоведение, архивное дело, география, перевод. Для подготовки к экзаменам существовали специальные правительственные учреждения, но обычно профессии были наследственными, и тонкости дела передавались от отца к сыну. Несмотря на то, что *чунин* не могли продвинуться по карьерной лестнице выше шестого ранга, они тем не менее имели возможность накопить достаточно денег (за счет, например, торговли), путешествовать с дипломатическими миссиями, прославиться.

Чунин состояли на службе в Ведомстве перевода (*Сайгвон*), Ведомстве наблюдения за природными явлениями²⁰ (*Квансангам*), Аптекарском управлении (*Чоныйгам*), Ведомстве государственных рабов (*Нэсуса*), медицинском Управлении милости к народу (*Хеминсо*²¹), Академии живописи (*Тохвагон*), Академии права (*Юльхак*), Академии счета (*Санхак*) и др.²².

Вопросы толкования небесных и земных знаков с начала XV в. оказались «закреплены» за Ведомством наблюдения за природными явлениями²³ (*Квансангам*), где происходило изучение географии, астрономии, астрологии и техники предсказаний²⁴. Как пишет отечественный специалист по средневековой истории Кореи Т.М. Симбирцева, «подразделения Квансангама занимались наблюдением за звездами и погодой и толкованием полученных результатов с целью выбора наиболее благоприятных дней для проведения государственных мероприятий, в первую очередь, ритуалов, а также изучением географии и геомантическим толкованием местности для строительства дворцов и королевских гробниц»²⁵.

Для работы в Ведомстве для наблюдения за природными явлениями требовалось сдать экзамены *ымъян гва*, подразделявшиеся на три группы: «география» *чиригва* — для геомантов; «небесные знаки» *чхонмунгва* — для астрологов; «учение о судьбе» *мён-гвахак* — для предсказателей. Экзамен состоял из двух ступеней: «первое испытание» *чхоси* и «повторное испытание» *покси*.

Для изучения географии каждые три года первоначально отбирались четыре человека, затем — два. Эти люди были ответственны за все, что касалось выбора места для дворца или королевской могилы, а также их передвижения²⁶. Для изучения «небесных знаков» отбирали десять человек, затем — пять. Для изучения техники предсказаний — восемь и четыре.

В период Чосон для сдачи государственного экзамена *ымъян гва* требовалось знать наизусть следующие китайские каноны: «Описание лазурного ворона» (кор. *Чхоногён*), «Книга захоронений» (кор. *Чансо*), «Новые подходы в географии» (кор. *Чир* *син*).

бон), «Рассуждение об известных горах» (кор. *Мёсанннон*), «Географический сад» (кор. *Чири мунджон*), «Описание движущегося дракона» (кор. *Камёнгён*), «Рифмованные определения направлений и свойств горных кряжей» (кор. *Чхакмэкпу*), «Сомневающийся дракон» (кор. *Бйён*) и др.²⁷ Порядок прохождения экзамена был зафиксирован в своде законов «Великое уложение по управлению государством» (*Кёнгук тэджон*). Юн Хонги обращает внимание, что изучались только китайские каноны²⁸, хотя в период Корё теория *пхунсу* была чрезвычайно популярна, и к становлению государства Чосон уже были труды, созданные корейскими мастерами — среди них, например, «Секретные записи Тосона» (*Тосон биги*, IX в.), приписываемые, соответственно, Тосону.

Помимо Ведомства для наблюдения за природными явлениями, периодически по указу правителя открывались и временные комитеты, среди которых:

1) «Инспекция королевских могил» (*Санним тогам*) — созывалась после смерти монарха или его жены и действовала до конца похорон²⁹. Приглашались как известные столичные геоманты, так и представители провинций. В их задачи входил подбор благоприятного места для захоронения, контроль за сооружением могильного кургана и проведения похоронных церемоний. Все действия «инспекции» были отражены в иллюстрированных «книгах установленного ритуала» *ыйгве*.

2) «Инспекция [для] установления книг об ымьян» (*Ымьян чхэкчон догам*) — была организована в седьмом лунном месяце 1394 г. для определения, «какие геомантические принципы были истинными и какие — ложными»³⁰.

Юн Хонги как отдельное вспомогательное образовательное учреждение выделяет также «Школу пхунсу» (*пхунсу хак*), где происходило изучение и обучение геомантии³¹.

Деятельность геомантов и их вклад в историю и культуру Чосона

Несмотря на свой «пограничный» статус, геоманты часто становились доверенными лицами королей, а также сопровождали их в поездках по стране и отдельным ее районам. Геомантов привлекали для составления карт: например, в XV в. большой популярностью пользовался Ан Хёре (?—?), помогавший вану Седжо (1417–1468, правление 1455–1468) с составлением карты Сеула и восьми провинций³².

Пример другого придворного геоманта, Мок Хорёна (1684–1724), подавшего вану Кёнджону (1688–1724, правление 1720–1724) в 1722 г. послание, предупреждавшее монарха о грозящей опасности, доказывает, что геоманты имели возможность напрямую контактировать с королями и пользовались их доверием. После прочтения сообщения Кёнджон велел принять карательные меры, в результате которых 114 человек (включая родственников предполагаемых заговорщиков до четвертого колена) — сослано, 9 — принуждены к самоубийству, 173 — посажены в тюрьмы³³. Данное событие вошло в историю Кореи как «массовые казни [годов] *син-им*» — 1721–1722.

Несмотря на то, что принципы теории *пхунсу чири соль* были доступны только ограниченному кругу лиц, известны труды *не геомантов*, в которых раскрывались некоторые базовые принципы работы теории: так, например, глава «География» (*Чири*) в сочинении «Описание избранных деревень» (*Тхэнниджи*, 1751 г.) опального чиновника Ли Джунхвана (1690–1756) призвана растолковать читателям правила выбора подходящих земель для расположения жилого дома или могилы: «Как описать географию? В первую очередь, нужно изучить [водные резервуары, также термин *пхунсу чири соль*: «места, где проходит благоприятная энергия»] *сугу*, затем — *ясе* поля, водные потоки *сури*. Затем — форму гор *санхён*, цвет почвы *тхосэк*, [гору-предок] *чосан* и [устья рек] *чосу*»³⁴.

Соответственно, можно сделать вывод, что некоторые понятия не требовали перевода, но вместе с тем в совокупности были известны немногим — сам же Ли Джунхван, не имея отношения к практике *пхунсу чири соль*, узнал правила, вероятно, благодаря вышеупомянутому Мок Хорёну, с которым его связывали как родственные (через се-

мью жены), так и рабочие отношения. Важно при этом, что Ли Джунхван представлял теорию *пхунсу чир* *сол* синонимичной географии, а не суеверием, призванным обмануть человека или нажиться на его беде.

Сами же геоманты составляли специальные географические карты — так, например, на международной конференции в Международном институте корееведения Кюджангак Сеульского национального университета профессор Университета Толедо (Испания) Дэвид Немет представил обнаруженные им геомантические карты острова Чеджудо, относящиеся к XVIII в.³⁵ Как сообщает ученый, описания многих карт дополнены стихами, «проникнутыми символизмом».

Влияние *пхунсу чир* *сол* на толкование и характеристику пространственных представлений трудно переоценить — она обнаруживается даже на карте, описывающей Приморский край, — «Карта России» (Агук Ёджидо), датирующаяся концом XIX в. Как отмечает исследователь этой карты, Китаист С.Ю. Врядий, «описания городского рельефа, местности выполнены аллегорически в соответствии с даосской практикой освоения пространства Фэншуй. Привлечены характеристики Инь и Ян (мужского и женского начала), пяти элементов (огонь, металл, земля, дерево, вода), другие традиционные для восточной космогонии признаки, определяющие гармонию и дисгармонию окружения в жизни человека. Ориентация в пространстве по сторонам света осуществлена на основе традиционных представлений, когда для обозначения севера упоминаются Черное воинство «Сюанью», мифологические божества, изображавшиеся в виде змеи и черепахи, а для указания на западный сектор неба привлекается аллегория белого тигра»³⁶.

* * *

Подводя итог вышесказанному, хотелось бы отметить, что теория *пхунсу чир* *сол*, ее адепты и их деятельность стали привлекать внимание мирового научного корееведения лишь с недавнего времени. Поэтому данную статью можно рассматривать как один из шагов, необходимых для полноценного освещения данного вопроса. Тем не менее уже сейчас можно выявить основные источники, по которым возможно изучать культуру и философию *пхунсу чир* *сол*, ее значение в жизни корейского народа.

1. Здесь и далее корейские слова затранскрибированы по системе Л.Р. Концевича — основной системе записи корейских слов на русском, украинском и белорусском языках. Система разработана Л.Р. Концевичем на основе более ранней транскрипции А.А. Холодовича. Запись корейских слов осуществляется согласно официальной южнокорейской системе записи корейских слов латиницей.
2. Встречаются также сокращения «пхунсу» («ветры и воды») или «пхунсу чир» («география ветров и воды»).
3. *Ли Хонджик*. Сэ гукса саджон: [Новый словарь корейской истории]. Сеул: Кёхакса, 1990. С. 1432.
4. An Encyclopaedia of Korean Culture / ed. *Suh Cheong-Soo*. Seoul, Hanseobon, 2004. P. 254.
5. *Ли Хонджик*. Указ. соч.
6. Чосон ванджо силлок: [Истинные записи (правления) династии Чосон]. URL: <http://sillok.history.go.kr/>
7. Седжон силлок: [Истинные записи (правления) Седжона] // Чосон ванджо силлок: [Истинные записи (правления) династии Чосон]. Квон 106, день 21, месяц 12, 1444. URL: <http://sillok.history.go.kr/> (дата обращения: 14.03.2019).
8. Хангук минджок мунхва тхэбэкква саджон: [Энциклопедический словарь национальной культуры] / ред. *Ли Хёнджэ*. Т. 21. Соннам: Хангук чонсин мунхва ёнгвон, 1992. С. 207–208.

9. Пак Тхэхо. Чанне-ый ёкса: коиндоль-путхо напкольдан ккаджи, сунбэ-ва кипхи-ый ёкса: [История погребальной культуры: от дольменов и до кремации, история поклонения и пренебрежения]. Сеул: Сохэмунджип, 2006. Р. 169.
10. Ионова Ю.В. Обряды, обычаи и их социальные функции в Корее: середина XIX — начало XX в. М.: Наука, 1982. С. 24.
11. Статья «Десятичастное наставление» в корейской онлайн энциклопедии «Наму вики». Электронный ресурс. URL: <https://namu.wiki/w/%ED%9B%88%EC%9A%94%2010%EC%A1%B0> (дата обращения: 07.03.2019)
12. Симбирицева Т.М. Владыки старой Кореи. М.: РГГУ, 2012. С. 324. (Orientalia et Classica. Труды Института восточных культур и античности. Вып. 35).
13. Yoon Hong-key. The culture of fengshui in Korea. An Exploration of East Asian Geomancy. Lexington Books, 2006. P. 40.
14. Пак М.Н. Ким Бусик как историк (вступ. статья ко второму тому «Самгук саги»). Ким Бусик. Самгук саги (Исторические записи Трех государств). Летописи Когурё. Летописи Пэкче. Хронологические таблицы. Издание текста, перевод, вступительная статья и комментарии М.Н. Пака / отв. ред. Л.Р. Концевич. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995. (Памятники литературы народов Востока. Тексты. Большая серия I, 2). С. 9–32.
15. Лебон Гюстав. Психология народов и масс. М.: Издательство АСТ, 2017. С. 129–132.
16. Duncan J.B. The Origins of the Chosŏn Dynasty. Washington: University of Washington Press, 2014. P. 86–89.
17. Ibid. P. 237–240.
18. Подробнее о значении «трех устоев — пяти правил» см.: Симбирицева Т.М. Указ. соч. С. 26–27.
19. Там же. С. 37.
20. Также встречается перевод «Ведомство астрономических наблюдений».
21. В 1414–1466 гг. называлось Управление милости к народу (Хемингук).
22. Чон Окча. Чосон хуги чунин мунхва ёнгу: [Исследование культуры чунин в поздний период Чосон]. Ильджиса, 2003. Р. 28–29.
23. Хангук минджок мунхва тхэбэккwa саджон: [Энциклопедический словарь национальной культуры] / ред. Ли Хёнджэ. С. 208.
24. Han Young Woo. A Review of Korean History. Vol. 2. Joseon Era / trans. by Hahm Chaibong. Paju, Yongsaeon, 2010. P. 71.
25. Симбирицева Т.М. Указ. соч. С. 362.
26. Пак Тхэхо. Указ. соч. С. 169.
27. Yoon Hong-key. P'ungsu: a Study of Geomancy in Korea. New York, 2017. P. 72–73.
28. Ibid.
29. Деятельность «Инспекции королевских могил» отражена в современном южнокорейском фильме «Фэншуй» (Мёндан, 2018), режиссер Пак Хигон (род. 1969).
30. Yoon Hong-key. Op. cit. P. 75.
31. Ibid. P. 75–76.
32. Танджон силлок: [Истинные записи (правления) Танджона] // Чосон ванджо силлок: [Истинные записи (правления) династии Чосон]. Квон 11, день 17, месяц 4, 1454. URL: <http://sillok.history.go.kr/> (дата обращения: 19.03.2019).
33. Jackson Andrew D. The Causes and Aims of Yŏngjo's Chŏngmihwan'guk // Papers of the British Association of Korean Studies. 2011. Vol. 13. P. 25.
34. Ли Джунхван. Описание избранных деревень (Тхэнниджи) / пер. Н.А. Чесноковой. Цит. по: Чеснокова Н.А. Пространственные представления и самосознание культуры в Корее в XVII–XVIII вв. По материалам историко-географического памятника «Описание избранных деревень» (Тхэнниджи, 1751 г.) Ли Джунхвана (1690–1756?) — автореф. дис.... канд. ист. наук. М.: РГГУ, 2018. С. 254.
35. Nemeth David J. Korean P'ungsu Maps and Nature's Self-organizing Principles // The Flow of Ideas and Institutions: Korea in the World and the World in Korea. The First Kyujanggak International Symposium on Korean Studies. Proceedings. Seoul, 2008. P. 290–315.
36. Вradiй С.Ю. «Карта России (Агук Ёджидо)» — первое корейское описание Приморья. Ч. 2 // Вестник СПбГУ. Сер. 13. Востоковедение и африканистика. СПб., 2012. Вып. 2. С. 61.